БИОГРАФИЯ ВЕЛИЧАЙШЕГО СОВЕТСКОГО АЛЬПИНИСТА В ВОСПОМИНАНИЯХ БЛИЗКИХ

ГАЛИНА МУЛЕНКОВА

АНАТОЛИЙ БУКРЕЕВ

«СНЕЖНЫЙ БАРС» ИЗ ЛЕГЕНДАРНОЙ КОМАНДЫ АЛЬПИНИСТОВ ЕРВАНДА ИЛЬИНСКОГО

БОМБОРА

Галина Анатольевна Муленкова

Анатолий Букреев. Биография величайшего советского альпиниста в воспоминаниях близких

Серия «Мир адреналина. Книги про экстремальный спорт»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69310501
ISBN 978-5-04-188284-6

Аннотация

Анатолий Букреев – советский и казахстанский альпинист-высотник, заслуженный мастер спорта СССР, обладатель титула «Снежный барс», восходитель на одиннадцать восьмитысячников планеты, четыре раза достигший вершины Эвереста. Один из первых скайраннеров в СНГ, горный гид, работавший на больших высотах в Гималаях, фотограф и писатель.

Его настоящая жизнь проходила в горах, где правит стихия. Имя Анатолия Букреева стало широко известным после трагической экспедиции на Эверест 1996 года, когда он спас

троих граждан США, за что был удостоен премии Американского альпийского клуба имени Дэвида Соулса, которую вручают за спасение людей в горах с риском для собственной жизни. Анатолий тоже мог погибнуть в ту майскую ночь, когда на склоны Эвереста обрушился шторм, но он достиг своей финишной черты позже, 25 декабря 1997 года, в районе Аннапурны. Его жизнь оборвала лавина. Анатолий Букреев за свою короткую жизнь установил множество рекордов, своим примером он раздвигал границы человеческих возможностей и делал то, что большинству живущих на земле представляется невероятным, недосягаемым, непостижимым.

Перед вами книга, посвященная жизни горовосходителя Анатолия Букреева, или «Буки», – как звали его в альпинистском сообществе. Ее написала журналист, автор книг об альпинизме Галина Муленкова, которая была лично знакома с Анатолием, с командой, где Букреев вырос как спортсмен и как личность, а также с представителями других поколений команды легендарного тренера Ерванда Ильинского. В книге описаны основные этапы жизни Букреева, наиболее значимые экспедиции и восхождения. Благодаря уникальным интервью, воспоминаниям его друзей и товарищей вы сможете взглянуть на героя книги по-новому.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

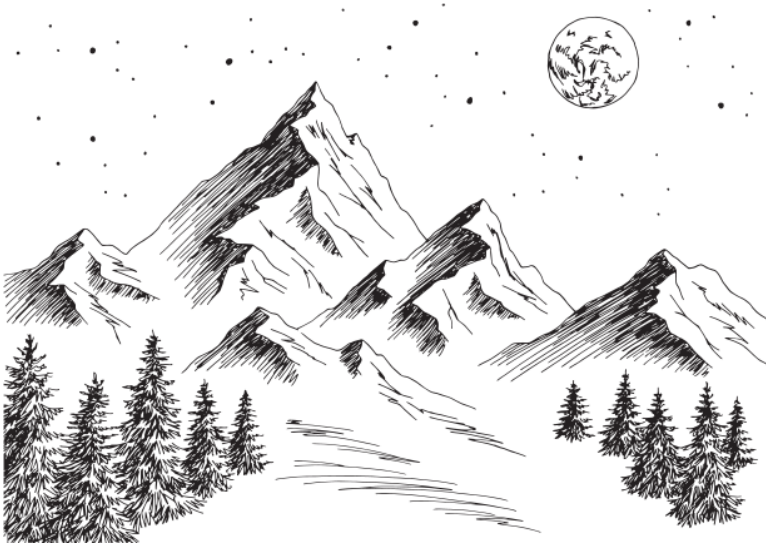
Слово Е. Ильинского 7
Слово автора 9
Напутствие Месснера 24
Роковая экспедиция 29
Дневник художника 37
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Галина Муленкова
Анатолий Букреев
«Снежный барс» из легендарной команды альпинистов Ерванда Ильинского

© Муленкова Г. А., текст и фото, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Когда взберетесь на вершину горы,
продолжайте взбираться и дальше.
Мудрость тибетских лам



Слово Е. Ильинского

Много лет я посвятил альпинизму. Много времени я провел в самых разных горных системах мира, на самых разных высотах. Сначала – как спортсмен, потом – как тренер и как участник экспедиций. Тренерскую деятельность считаю главным делом своей жизни. Признаюсь, что бывали поражения и мы отступали, чтобы не стать заложниками гор, но возвращались и побеждали. Нет, не горные вершины, а свои слабости и страхи. Я всегда считал, что главное – вернуть людей домой живыми. В экспедициях моей спутницей долгие годы была армейская машина-радийка, я возил в горы подзорную трубу, в которую по возможности наблюдал за продвижением групп и координировал их по связи. Сам я совершил более 250 восхождений, в пятьдесят лет взошел на Эверест, в 60 прыгнул с парашютом, а своим спортсменам всегда говорил, что хороший альпинист – это живой альпинист и что самое высокое спортивное достижение не стоит человеческой жизни.

За долгие годы моей тренерской деятельности состав армейской команды менялся и обновлялся, и каждый раз, с приходом молодежи, надо было повторять пройденное. Постепенно разрядники набирают опыт и становятся мастерами, как это было и с Анатолием Букреевым. И когда я узнал,

что ему установят памятник, то был удивлен – ведь в Казахстане есть олимпийские чемпионы, а вспомнили про альпиниста. В Спортивном клубе армии выросло много прекрасных горовосходителей. Одних уже нет с нами, другие стали тренерами, инструкторами и гидами, третьи окунулись в городскую жизнь и покинули горы. Но все они оставили след в истории альпинизма, и я всегда напоминал спортсменам, что альпинизм – как шахматная игра, где надо заранее продумывать каждое действие, и что лучше много раз вернуться, чем не вернуться один раз.

Слово автора

Каким мог бы быть памятник легендарному альпинисту Анатолию Букрееву? Его итальянский партнер по нескольким гималайским экспедициям Симоне Моро стал последним на Земле человеком, видевшим Анатолия живым. Он сказал однажды, что слава пришла к Букрееву извне, что на родине о нем мало кто знал и что этого гиганта надо было ценить как «русского посла в мире». В воображении многих бронзовая фигура героя должна устремляться к вершине, он смотрит туда, где земля сливается с небом в одну точку, и делает шаг в неизвестность. Но талантливый скульптор – свой человек в мире гор – создал образ уставшего альпиниста, который присел после восхождения на камень. Солнцезащитные очки подняты с глаз на лоб, одной рукой он опирается на ледоруб, в другой держит веревку. Знакомая легкая сутулость, знакомые черты лица. Такие знакомые, что невольно набегают слезы. Таким Букреева знали близкие люди, съевшие с ним в горах не один пуд соли, делившие с ним тесную палатку, прошедшие вместе не одно испытание на прочность.

Памятник Анатолию Букрееву работы скульптора Нурлана Далбая и архитектора Расула Сатыбалдиева, созданный по инициативе Фонда Нурлана Смагулова, установлен в урочище Медеу к 65-летию героя этой книги. На постаменте

надпись:

. . . . . .

АНАТОЛИЙ БУКРЕЕВ (Бука).

Рядом, на камне, принесенном с гор селевым потоком, табличка, на ней выгравировано высказывание Букреева:

Гору нельзя покорить,
можно лишь на время сравняться с ее высотой.
А. Н. Букреев

Анатолий Букреев – выдающийся казахстанский высотный альпинист, восходитель на высочайшие вершины планеты (1958–1997).

. . . . . .

Зимние восхождения на вершины выше 8000 метров – это запредельный экстрим. Зима в высочайших горах мира суровая, а в декабре 1997 года в районе Аннапурны не переставая шел снег. Альпинисты Анатолий Букреев, Дмитрий Соболев и Симоне Моро без конца топтали тропу, упорно пробивая путь к своей цели. Из-за снежной обстановки решили изменить маршрут и двигаться к Аннапурне через соседний семитысячник Фанг[1]. Вешки, которыми маркирова-

[1] Аннапурна Фанг – 7900 метров.

ли путь по леднику, то и дело заносило снегом, однако экспедиция стоила Букрееву и Моро больших денег, поэтому они решили не сдаваться и ждать улучшения погоды. Намеченный срок пребывания в горах подходил к концу, но напарники Анатолий и Симоне продлили его до 16 января 1998 года, когда Букрееву должно было исполниться 40 лет. Он сообщил об этом в письмах, которые привез в Алма-Ату художник Андрей Старков, покинувший базовый лагерь в Святилище Аннапурны раньше других. Старков писал этюды, а Соболев снимал видео, которое теперь имеет архивную ценность и было использовано при монтаже нескольких фильмов о Букрееве.

14 вершин в двух высочайших горных системах мира достигают высоты более 8000 метров. 10 восьмитысячников находятся в Гималаях – это Эверест (8848 м), Канченджанга (8586 м), Лхоцзе (8516 м), Макалу (8470 м), Дхаулагири (8167 м), Манаслу (8163 м), Чо-Ойю (8153 м), Нанга-Парбат (8125 м), Аннапурна (8091 м), Шиша Пангма (8013 м); 4 восьмитысячника расположены в Каракоруме – это Чогори, или К2 (8611 м), Гашербрум I или Хидден-пик (8080 м), Гашербрум II (8035 м) и Броуд-пик (8047 м).

Если внимательно присмотреться к фотографиям Аннапурны, десятой по высоте вершины мира, можно увидеть на ее южных склонах подобие человеческого лица. Некоторые видят в этих очертаниях лицо Анатолия Букреева, широко

известного в альпинистском сообществе. Когда чье-то имя становится частью истории, складываются легенды, которые, в свою очередь, становятся частью мирового культурного наследия.

Известно, что выше отметки 7000 метров над уровнем моря человеческий организм не восстанавливается, а значит, он быстро или медленно, но умирает. Люди, знакомые с признаками гипоксии, знают, насколько опасна горная болезнь, когда появляется непобедимая одышка, нестерпимо болит голова, поднимается давление, нарушается координация, пропадают сон и аппетит. Каждое движение вызывает к жизни полет черных мушек перед глазами. Игры страдающего от высотной гипоксии мозга перемещают сознание в искаженную реальность, и даже время наверху течет не так, как внизу. Будто попал на другую планету, в атмосфере которой вместо привычного воздуха только суррогатная смесь, и легкие с натугой вытягивают газообразный химический элемент, необходимый для выживания.

Еще Галилей доказал, что воздух имеет вес. Ученые говорят: высотная гипоксия – это недостаток кислорода в той норме, к которой мы привыкли, живя на дне воздушного океана, где на нас давит воздух. Воздухом пронизано тело, изнутри, из самых «глубин подсознания», он давит с той же силой, с какой давит снаружи, и эти давления уравновешивают друг друга. Гипоксия – это следствие разницы давлений. У нас есть рецепторы, которые влияют на дыхание. Бронхи

начинают расширяться, в организм поступает больше кислорода, поэтому люди, которые живут в горах, имеют больший объем легких. Например, известно, что у жителей высокогорья, шерпов, объем легких значительно больше, чем у европейцев, у этого народа прослеживается генетическая предрасположенность к высоте. Известно также, что предельная высота, на которой люди живут постоянно, составляет около четырех с половиной тысяч метров над уровнем моря.

Но что бы ни давило снаружи и изнутри, надо выбраться из отсыревшего спального мешка и влезть в ледяные ботинки, негнущимися от холода пальцами набрать снега, поставить на горелку емкость и караулить, чтобы она не опрокинулась. Вода на вес золота, хотя снега вокруг – завались. Газовые баллоны, как и все остальное, несут на себе, а сколько килограммов груза может унести на спине даже очень здоровый мужчина? Палатка, веревка, снаряжение, питание, одежда, газ. Если идешь в группе, общественный груз делится на всех, а если ты один, то напоминаешь улитку, которая тащит на себе целый дом. Какую надо иметь волю, чтобы добровольно, своими ногами, с тяжелым рюкзаком на спине, прийти сюда? Далась тебе эта обледенелая вершина, утрамбованная многотонным снежно-ледовым панцирем и тяжелыми облаками? Выходит, далась. Подняв сюда свое тело, ты поднял свой дух над страхами, убеждениями, слабостями. Ты поднялся над собой, а значит – стал выше. Однажды померившись силами с высотой, человек делает выбор: он либо

навсегда уходит в долину, либо снова и снова возвращается в горы, чтобы достигать заоблачных высот.

С восхождения на Аннапурну французов Мориса Эрцога и Луи Лашеналя в 1950 году началась высотная история человечества. В 1953 году новозеландец Эдмунд Хиллари и шерпа Тенцинг Норгей взошли на высочайшую вершину мира Эверест. А первым на все 14 гор-гигантов поднялся итальянский альпинист Райнхольд Месснер, и выполнение программы «14 вершин мира» стало целью для многих горовосходителей. Немало амбициозных альпинистов полегло и пострадало на этом пути. Это не просто программа, а ребус, задача, где спортивная составляющая – только ее важная часть, остальное упирается в большие деньги. Вы не просто покупаете билет на самолет и летите, например, в Катманду, а потом ищете способы добраться под нужную вершину. Вы платите Министерству туризма Непала за пермит, за разрешение на пребывание в опредленном районе, а уже потом решаете задачу со многими неизвестными.

На моих книжных полках стоит вся библиотека приключений XX века. Одна из книг – «Аннапурна» – написана Морисом Эрцогом. В крохотном отрывке, посвященном штурму вершины, сконцентрированы чувства и эмоции автора, который первым достиг восьмитысячной высоты. «Я отрезан от всей Вселенной. Я живу в ином мире, суровом, пустынном, безжизненном. Это фантастический мир, где при-

сутствие человека неоправданно, и, может быть, даже нежелательно. Мы нарушаем запрет, мы переступаем границу. Сердце сжимается от полноты чувств… Резкий ветер обжигает лицо. Мы на Аннапурне. 8075 метров». Аннапурна была первым восьмитысячником, на который взошли люди, что открыло новую эпоху в альпинизме, красиво названную «гималаизмом».

Анатолий Букреев не смог повторить слова: «Мы на Аннапурне». Он был первым в СНГ альпинистом, приблизившимся к выполнению престижной программы «14 высочайших вершин мира», и мог бы оказаться в первой мировой десятке. Аннапурна могла бы стать 12-м восьмитысячником Букреева. И все это – в сослагательном наклонении, если бы да кабы, но следы альпинистов Анатолия Букреева и Дмитрия Соболева оборвались на Аннапурне 25 декабря 1997 года.

Время – категория относительная. Теоретически для всех землян, линейно воспринимающих реальность, оно должно течь одинаково, но практически время для каждого из нас течет по-особому. Похоже, человеку отпущено определенное количество испытаний. Одни не спешат жить, смакуя каждое мгновение или перемогаясь день ото дня, другие торопятся в единицу времени узнать и сделать как можно больше. Похоже, что у первых много шансов на долгую жизнь, зато у вторых звуки, запахи и эмоции бывают острее. Скажете, надуманная идея и надуманная цель. Но кто-то выбира-

ет путь, полный риска и опасностей. Кому-то надо вдыхать обжигающе холодный воздух и пить из реки, родившейся в леднике, прикасаться к скалам, вышедшим из лона Земли миллионы лет назад, наперекор ветру топтать великие снега, наблюдать восход солнца с высоты горы и испытать на себе силу стихий. Как говорил выдающийся альпинист Валерий Хрищатый, если горы существуют, значит, кто-то должен на них подниматься.

В 1991 году состоялась первая самостоятельная казахстанская гималайская экспедиция на восьмитысячник Дхаулагири, а после успешной экспедиции 1997 года на Эверест возникла идея выполнить программу «Казахстанские альпинисты на восьмитысячниках». Пятнадцатым в мире и первым в СНГ обладателем «гималайской короны» стал Денис Урубко (ныне гражданин Польши), проложивший несколько собственных маршрутов к вершинам гор-гигантов, личную программу «14» закрыли Максут Жумаев и Василий Пивцов. 2010 год для казахстанцев ознаменовался тем, что они первыми в истории выполнили программу «14 вершин» командой. Восхождения на восьмитысячники совершались без применения дополнительного кислорода. В 2022 году Федерация альпинизма и спортивного скалолазания подвела итог – за сорок лет казахстанского альпинизма в Гималаях состоялось 68 экспедиций, в них участвовали 243 человека, 172 из них совершили восхождения. Вспомним тех, кто оставил на этом пути свои вешки.

Эта книга написана по сохранившимся записям, интервью, газетным материалам и воспоминаниям альпинистов. Главный герой – Анатолий Букреев, чье имя стало легендой, чья судьба неразрывно связана с командой Ерванда Ильинского и «золотым веком» советского альпинизма. Когда дневники Букреева, изданные в начале 2000-х его американской подругой Линдой Уайли, вернулись домой, вновь переведеными на русский, я открыла для себя что-то новое. Но свои истории Букреев записывал спустя некоторое время после окончания той или иной экспедиции, и у него была возможность переосмыслить произошедшее. Интервью же он давал мне непосредственно после возвращения в Алма-Ату, по горячим следам экспедиций, с еще не остывшими эмоциями.

В свое время Букреев сделал смелый выбор, ринувшись в свободное плавание по Гималаям. Спустя годы сделал выбор Денис Урубко, удостоившийся нескольких «Золотых ледорубов Азии», мирового «Золотого ледоруба» и множества других наград. Эта книга о людях, которые представляли альпинизм в 80–90-х годах XX века. Это был сильнейший состав команды Ильинского, это была блистательная спортивная эпоха.

По утверждению Ерванда Ильинского, развитие этого вида спорта происходит волнообразно. Подбирается команда, которой все по плечу, потом происходит спад. В 1991 году

десять человек, в их числе молодежь, взошли на Дхаулагири по новому маршруту, а в экспедицию на Эверест 1997 года участников, как сказал тренер, пришлось «скрести по сусекам». Но снова десять человек побывали на вершине, в составе сборной на Эверест взошла первая женщина из Казахстана Людмила Савина.

Поскольку речь пойдет об армейцах, определимся с названием клуба, который был переименован семь раз. Клуб организован в 1970 году как 12 СКА САВО, а когда Среднеазиатский военный округ объединили с Туркестанским, клуб стал называться 12 СКА ТуркВО. Округ охватывал территории трех республик: Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Позже клуб стал филиалом Московского ЦСКА. С обретением независимости в Казахстане образовался Комитет обороны, а после реорганизации Комитета в Министерство обороны РК появилась организация ЦСКА МО РК.

Альпинистская секция при спортивном клубе армии КСАВО – Краснознаменного Среднеазиатского военного округа – была организована в 1971 году. На тот момент в секции было 5 мастеров спорта, а к концу 1976 года – уже 28. Альпинистская команда неоднократно становилась победителем чемпионата Вооруженных Сил СССР, призером и победителем чемпионатов СССР по альпинизму. В 1975 году золотых медалей удостоились пятеро членов СКА за восхождение по восточной стене на пик Ахмади Дониша (6665 м, Центральный Памир): В. Смирнов, В. Седельников,

М. Акчурин, А. Тимофеев, Н. Шевченко. В 1976 году золотые медали за восхождение на пик Клары Цеткин (6680 м, Памир) по западной стене получили Ю. Попенко, В. Афанасьев, В. Полнов, Е. Староселец, С. Лобанов, Г. Айгистов, В. Золотарев, Б. Соломатов.

В одном из отчетов тех лет читаем: «Большую организационную и воспитательную работу по подготовке альпинистских кадров проводит в СКА старший тренер, заслуженный тренер Казахской ССР, мастер спорта Ильинский Ерванд Тихонович. Залогом успеха является содействие, которое оказывает альпинистам СКА в проведении их мероприятий в горах Главное управление боевой подготовки Сухопутных войск, управление боевой подготовки округа, отдел по физподготовке и спорту округа, руководство СКА и транспортная служба округа».

В 1979 году команда прошла маршрут по центру юго-восточной стены пика Россия (6875 м, Памир) и заняла 1-е место в чемпионате СССР в классе высотных восхождений. В 1980-м армейцы совершили первопроход по центру южной стены пика Коммунизма (7495 м, Памир) и снова были первыми. В 1982-м им покорилась северная стена пика Победы (7439 м, Центральный Тянь-Шань). Так альпинисты 12 СКА САВО под руководством Ерванда Ильинского снискали славу первопроходцев, способных работать на технически сложных маршрутах на больших высотах.

В составе первой советской экспедиции на Эверест в 1982

году было пятеро армейцев. Казбек Валиев, Валерий Хрищатый и Юрий Голодов достигли вершины, Ерванда Ильинского и Сергея Чепчева развернули с высоты 8500. Во время второй советской гималайской экспедиции на Канченджангу траверс четырех восьмитысячных вершин массива прошли Анатолий Букреев, Зиннур Халитов и Григорий Луняков. Разных вершин достигли Валерий Хрищатый, Владимир Сувига, Ринат Хайбуллин, Виктор Дедий, Юрий Моисеев. Капитаном сборной СССР был Казбек Валиев, казахстанцы в этих экспедициях занимали треть всей команды. С 1990 года было организовано несколько казахстанских экспедиций в высочайшие горы мира – Гималаи и Каракорум, и костяк команды всегда составляли армейцы.

В 1975 году ответственным за один из самых сложных и опасных видов спорта был назначен генерал-майор Павел Новиков. Чтобы организовать экспедицию, надо было давать заявки на технику. Нужны были бензовоз, машина, оборудованная радиостанцией, а также грузовики для перевозки альпинистов. В банки из-под консервов заливали бензин и запаивали их, чтобы готовить еду на примусах во время восхождения. В горы брали тяжелые брезентовые палатки, ватные спальные мешки, ящиками получали штормовки, костюмы с начесом, армейские свитера и отриконенные ботинки. Мир меняется, горизонты расширяются, но хлопот с организацией экспедиций не становится меньше. Теперь надо

получить пермит в Министерстве туризма Непала, дойти с караваном под одну из высочайших вершин и на маршруте держать марку, сохраняя лучшие традиции казахстанского альпинизма.

В энциклопедии «Алма-Ата», изданной в 1983 году, написано: «Спортивный клуб армии – спортивный клуб Краснознаменного Среднеазиатского военного округа – создан в 1970 году. Члены СКА – военнослужащие СА и ВМФ, гражданская молодежь – всего 3000 человек». Далее перечисляются имена выдающихся спортсменов, воспитанников клуба армии. «В мае 1982 года в составе сборной СССР участвовали в восхождении на Эверест (8848 м) члены СКА, альпинисты-алмаатинцы К. Валиев, Ю. Голодов, В. Хрищатый (восходители на вершину), Е. Ильинский, С. Чепчев (участники экспедиции)».

Почему Алма-Ата? Потому что из окон домов видны горы. Местоположение Алма-Аты в центре Евразийского континента уникально, здесь в течение одного дня можно подняться из пустыни в высокогорье. Одно из ответвлений Великого шелкового пути, соединяющего в течение многих веков Восток и Запад, проходило по территории Семиречья, где сегодня находится большой город, который переименован в Алматы, но для меня старое название звучит как музыка.

Из истории мы знаем, что в XIX веке Российская империя

приняла решение возвести укрепления для обороны южных границ Семиречья, как назвали этой край прибывшие сюда отряды Сибирского казачьего войска. Укрепление Заилийское было заложено отрядом майора Михаила Перемышельского в качестве форпоста в 1854 году. Строительство крепости на берегу реки Малой Алматинки у горного хребта велось на основе «Проекта укрепления за рекою Илею, на урочище Алматы, что в Большой Киргизской орде», высочайше утвержденного 7 марта 1854 года, когда император Николай Первый поставил под документом свою царственную подпись. В 1859 году геодезист Голубев из Петербурга отметил военное укрепление Заилийское на карте, в 1867-м оно было переименовано в Верное и стало административным центром Семиреченской области, вошедшей в состав Туркестанского губернаторства.

В 1856–1857 годах горный район исследовал русский ученый П. П. Семенов, получивший к своей фамилии почетную приставку «Тянь-Шанский». Впоследствии в этом благодатном краю проводили исследования многие первопроходцы и ученые. В 1918 году в регионе была установлена советская власть, в 1921-м город был переименован из Верного в Алма-Ату (позже стал называться Алматы), что можно перевести на русский язык как яблочный центр. Многие коренные алмаатинцы называют город по-старому.

В учебниках сказано, что краеведческое изучение Казахстана началось в XIX – XX веках. Первой официальной ту-

ристской организацией было отделение Русского горного общества в Верном, просуществовавшее до 1927 года. Первый официально зарегистрированный туристский поход прошел в Заилийском Алатау, он был организован Белоглазовым, Савиным и Зиминым. Широкое развитие организованных видов активного туризма в Казахстане началось в 1930 году с восхождения на Алматинский пик (по другой версии – Малоалматинский), и эту дату принято считать днем рождения альпинизма в республике. Становление горных видов спорта происходило в Заилийском Алатау – это самый северный хребет горной страны Тянь-Шань, который был и остается домашним стадионом для альпинистов, горных туристов, горнолыжников и сноубордистов.

Один киношник спросил меня как-то, кто, на мой взгляд, объединяет в сознании людей Россию и Казахстан и кто достоин стать героем фильма. Не задумываясь ни на минуту, я ответила – Анатолий Букреев. Фильм мы не сняли, но я написала эту книгу.

Напутствие Месснера

На Центральном Тянь-Шане шел снег. Две огромные палатки – столовая и кухня – тандемом стояли на морене ледника, и высокому, крупному повару приходилось пригибать голову к груди, циркулируя туда и обратно через брезентовый рукав. За палатками, какие в армии называют «анакондами», надсадно тарахтел движок, внутри, под электрическими лампочками, сидели за столами люди в пуховках. За ужином обсуждали прибытие важного гостя – если не подведет погода, вертолет доставит на ледник Северный Иныльчек[2] первого восходителя на все четырнадцать восьмитысячников, основателя спортивного стиля в альпинизме Райнхольда Месснера. Человек-легенда принял приглашение директора Международного альпинистского лагеря «Хан-Тенгри» Казбека Валиева посетить Центральный Тянь-Шань, он знал, что альпинисты из Казахстана совершают восхождения по стенным маршрутам на большие горы, а это было веское слово в мировом альпинизме.

Снег выкрасил пейзаж в белое, скалы ярко вырисовывались на этом фоне в лучах солнца, а в складках горного рельефа залегли отчетливые тени. Услышав отдаленное тарахтение, все обитатели базового лагеря высыпали из пала-

---

[2] Долинный ледник в Центральном Тянь-Шане, в Казахстане и Киргизии, в верховье реки Иныльчек.

ток, альпинисты поспешили на вертолетную площадку, чтобы принять грузы. Из приземлившейся винтокрылой машины вышли двое – Месснер и Валиев. Гость быстро отошел в сторону от того места, где винты поднимали с ледника и кружили в танце снежную пыль. На высоте 4000 метров вертолетчики не глушат двигатели, разгрузка-погрузка должна производиться быстро в целях экономии времени и горючего.

Повар-тяжеловес расставил на столы чайники с кипятком, а сам, с грацией циркового медведя, метнулся в кухню, где на газовой плите стояла гигантская кастрюля с булькающим в ней супом, в сотейнике кипело жаркое, а в огромном баке томился компот. Все потянулись в столовую знакомиться с Месснером. Естественно, приезд такого знаменитого и авторитетного гостя вызвал интерес у прессы, и еще на перевалочной базе Международного альпинистского лагеря «Хан-Тенгри» в Каркаре журналисты телекомпании «Мир» записали его интервью. Месснер рассказал, что в пятилетнем возрасте родители брали его на восхождения, он стал скалолазом, а в 25 лет началась его жизнь в горах. Он побывал в разных концах Земли, включая Арктику, стал альпинистом-высотником. Всемирно известный альпинист и путешественник, написавший книги о своих приключениях, признался, что его интересы меняются, он ищет связь и равновесие между природой и человеком. Месснер уже бывал на Кавказе и Памире. В книге «Письма из Гималаев» он писал, что задал-

ся целью пройти большие стены на восьмитысячниках, и кто только не пытался штурмовать юго-западную стену Эвереста, а сделать это удалось советским альпинистам.

Букреев был представителем советской школы и Месснер не сомневался, что он способен выполнить программу восхождений на все 14 высочайших вершин мира, но полагал, что пришло время стремиться к вершинам, балансируя на гребне между страхом и мужеством.

В своем интервью Месснер сказал: «Я наблюдал за продвижением Анатолия Букреева, мы встречались с ним в горах. В последние десятилетия представители постсоветского пространства совершили наиболее значительные восхождения, которые я отношу к высочайшим достижениям мирового альпинизма. Горовосходители наверстывают то, что было недоступно ранее, когда страна существовала за «железным занавесом». Отмечу, что у Анатолия Букреева есть хорошие шансы выполнить программу «14 высочайших вершин мира». Но я вижу проблему развития альпинизма в другом. Мне кажется, что надо возвращаться к классическому альпинизму, к тому, чем занималась команда, в которой ходил Казбек Валиев. Это восхождения по непройденным маршрутам и отвесным стенам. Надо развиваться в этом направлении, чтобы преодолевать трудности на грани человеческих возможностей. Сегодня мы имеем массу приспособлений, можем связываться по телефону со всем миром, и это уже не те сложности, какие существовали в момент зарождения

альпинизма».

После восхождения на Хан-Тенгри, задержавшись на спуске из-за снежной обстановки, в базовый лагерь пришел Букреев. Сбросив у «анаконды» рюкзак, он вошел в столовую. Загар на его лице оттеняли светлые, как солома, волосы. Остановившись на мгновение, чтобы глаза привыкли к освещению в палатке, он увидел Казбека, который махал ему рукой, приглашая к столу.

На другое утро Месснер и Букреев сидели посреди лагеря, подставив лица солнечным лучам и любуясь северной стеной пика Хан-Тенгри. Гость спросил, сколько у Анатолия восьмитысячников. Тот по-английски ответил, что сходил уже на одиннадцать и намерен выполнить программу «14 вершин», а на некоторых высочайших вершинах он побывал по нескольку раз. Райнхольд Месснер поинтересовался, что Анатолий будет делать после того, как взойдет на все горы-гиганты. Он был первым, кто сделал это, но ценности быстро меняются, и сегодня выполнение программы «14» уже не котируется как высокое спортивное достижение. Месснер посоветовал совершить что-то экстраординарное, например взойти на большую гору по новому маршруту, как это делала в свое время команда Казахстана, которая восходила на высокие горы по стенам, когда технические трудности преодолеваются на большой высоте. Месснер привел в пример восхождение Казбека Валиева, Юрия Моисеева и чеха Золтана Демьяна по западной стене Дхаулагири в 1988

году, которое было признано лучшим восхождением сезона в Гималаях.

Возможно, Анатолий задумался: еще кипели страсти вокруг его имени и экспедиции 1996 года на Эверест, в которой он работал помощником гида. В шторм на горе погибли люди. Ему удалось спасти своих клиентов, но с горы не вернулся руководитель экспедиции Скотт Фишер. Букреев подвергся критике и теперь мог предполагать, что спортивное восхождение на восьмитысячник перечеркнет все за и против, потому что победителей не судят. На самом деле никто не может знать, о чем думал Анатолий, и я только предполагаю. Но факт остается фактом – он сделал свой выбор и испытывал судьбу, оказавшись зимой в Гималаях и ожидая, когда их подпустит к себе Аннапурна.

Роковая экспедиция

Яработала на радио, добывала новости и вещала в эфире, никогда не упуская случая оповестить страну о новостях альпинизма. Декабрьское утро началось с привычной подготовки новостных блоков, и тут позвонил художник Андрей Старков, который на днях вернулся из Непала. Он сообщил ужасную новость: Букреев и Соболев попали в лавину. Андрей узнал об этом от продюсера Александра Севернюка, которому звонила американская подруга Анатолия Букреева Линда Уайли. Через час Старков приехал в редакцию, чтобы рассказать известные ему подробности.

Архитектор и художник Андрей Старков катается на горных лыжах, проектирует строения для горной местности, пишет горные пейзажи, и его картины украшают дома многих альпинистов. Он дружил с Дмитрием Соболевым, который долгое время тренировался в «Спартаке». А я в тот период как раз трудилась над книгой о восхождении сборной Казахстана на Эверест весной 1997 года под руководством начальника экспедиции генерал-майора П. М. Новикова и старшего тренера Е. Т. Ильинского. Накануне написала главу о выходе на вершину связок: Дмитрий Муравьев – Людмила Савина, Дмитрий Греков – Дмитрий Соболев. И вот теперь я слушала рассказ Старкова, с горечью думая о превратностях судьбы.

С Димой Соболевым мы постоянно пересекались на гор-

но-спортивной базе «Чимбулак», где он работал в радиорубке, бывали в одних экспедициях. Вместе ходили в больницу, где после аварии, случившейся после возвращения сборной команды с Чо-Ойю, лежал Букреев. 27 октября 1996 года на трассе Ташкент – Алма-Ата погиб молодой альпинист Александр Баймаханов. Как сказал мне тогда Анатолий, его имя снова было связано с чьей-то гибелью, да только никто не спросил, отдыхал водитель или нет после дальней дороги. Он приехал за командой из Алма-Аты, а это неблизкий путь.

Букреев получил серьезные травмы, однако в больничной палате мы его не застали. Соседи по койкам сообщили, что Толя ушел домой, потому что ему должны были звонить по очень важному делу. Он ждал приглашения на работу в качестве тренера-консультанта индонезийской военной экспедиции на Эверест и не мог пропустить важный звонок, назначенный на определенное время, а в те годы вариантов голосовой связи, кроме городского телефона или похода в переговорный пункт, не было. Он заработал достаточно денег, чтобы выбраться из холодного сельского барака, в котором прожил несколько лет. Анатолий купил маленькую квартиру в центре города, как раз через дорогу от Центрального стадиона, где было удобно тренироваться и где теперь закреплена памятная табличка с его именем. Можно множить силу молодецкую, нарезая круги на открытом поле, а можно передвигаться трусцой вдоль речки, которая устремляется с гор в долину. Во время подъема нагрузка увеличивается, а

во время спуска можно бежать, отдыхая. Алмаатинцы, живущие у подножия гор, пользуются такими понятиями, как верх-низ, и это вполне устраивало никогда не знавшего диванной жизни Букреева.

Анатолий наладил контакт с бабушкой-соседкой, которая в его отсутствие доставала из почтового ящика счета и оплачивала их. У нее был ключ от квартиры Анатолия, деньги на оплату коммунальных услуг он оставлял на холодильнике – единственном приличном агрегате в его полупустой холостяцкой берлоге. Завидев соседа с рюкзаком за плечами, старушка часто журила его за то, что он никак не соберется сделать в доме ремонт и не заведет семью, а ведь ему было уже под сорок. На это Толя резонно отвечал – а вдруг он погибнет в горах, и стоит ли привязывать к себе кого-то, чтобы сделать потом несчастным?

В конце 1997 года Анатолий Букреев и его напарник по нескольким гималайским экспедициям Симоне Моро из Италии решили предпринять попытку зимнего восхождения на Аннапурну по южной стене. В случае удачи это был бы громкий результат, ведь восхождение на восьмитысячник в зимний период дорогого стоит. Перед отъездом в Непал Анатолий обещал соседке, что это будет его последняя экспедиция, а вернувшись, он займется домом. Это и была его последняя экспедиция. А кабы вернулся, так вряд ли сдержал бы обещание, потому что для выполнения программы «14 вершин» ему оставалось одолеть еще два восьмитысячника

– Нанга-Парбат и Хидден-пик. К тому же он был востребованным гидом, и работа по нескольку месяцев в году держала его в Гималаях. Он выбрал свой путь и шел по нему, никуда не сворачивая. Пока не уперся в тупик, где его короткую жизнь перечеркнула лавина. Тот снежно-ледовый обвал проглотил троих, но одного выпустил.

Я записала интервью Симоне Моро, когда в 1999 году они с Марио Корнисом приехали в Алма-Ату, чтобы вместе с молодыми альпинистами Денисом Урубко и Андреем Молотовым за один сезон выполнить программу на звание «Снежных барсов», для чего надо взойти на все пять семитысячников СНГ. Итальянец сказал тогда много теплых слов об Анатолии Букрееве и признался, что эта дружба изменила его. «Возможно, Месснер был прав, сказав, что русские восходители на самом деле – самые сильные альпинисты мира. Я видел за свою жизнь более техничных спортсменов, но ваши ребята сильны своим духом. Только за один год сотрудничества с Анатолием я получил от общения с ним больше, чем получил за все предыдущие годы в горах. Он был сначала великим человеком, а потом великим восходителем. Его гибель для меня – несчастье. Моя мама никогда не видела меня плачущим, но в мои 30 лет, когда случилась эта трагедия с Анатолием, у меня из глаз текли слезы. Теперь я приехал в вашу страну, чтобы лучше понять Анатолия, и встретил здесь друзей».

Денис Урубко и Андрей Молотов рассказывали тогда, что

из-за большого количества снега на маршрутах у них были сложности, но они избежали лавин и свое рекордное достижение посвятили памяти Букреева. А Симоне Моро можно назвать потомственным альпинистом, одним из династии, так как его дед, отец, мать и братья были больны горами. Он учился премудростям скалолазания и горовосхождений в Доломитовых Альпах, побывал в лапах лавины, падал в пустоту, когда над ним вылетел крюк, выжил, когда оборвался снежный карниз. Судьба была милостива к нему, Симоне Моро выходил целым из всех непогод и передряг.

Он выбрал свой путь и шел по нему, никуда не сворачивая. Пока не уперся в тупик, где его короткую жизнь перечеркнула лавина.

С Букреевым он познакомился на склоне Шиша Пангмы – самого «маленького» восьмитысячника. Итальянец шел по следам русского осенью 1996-го. На высоте 6900 двое мужчин впервые пожали друг другу руки – так зародилась их дружба, длившаяся немногим более года. Той осенью Букреев сделал одиночное скоростное восхождение на Шиша Пангму первым в сезоне, хотя на его плечах был тяжелый рюкзак. Экспедиция, членом которой был Симоне, уже паковалась, люди не верили, что в непогоду можно пробиться к вершине, но там уже побывал Анатолий, что психологически облегчало задачу, и итальянцам тоже удалось сделать гору. Как утверждает психолог Чалдини, людям необходимо «социальное доказательство» со стороны других людей, то есть подтверждение того, что кто-то уже сделал это до тебя. В таком случае задача уже не представляется невыполнимой.

Пути альпинистов снова пересеклись на высоте 7000, а из-под горы уходили вместе, и у них было время пообщаться. Они договорились предпринять попытку беспрецедентного траверса двух соседних восьмитысячников – Лхоцзе и Эвереста. Так Симоне нашел надежного партнера – ведь его напарник Лоренцо Маззолене к тому времени погиб на К2.

Весной 1997 года Букреев собирался работать с военной экспедицией Индонезии, которая готовилась к восхождению на Эверест, после чего у него был шанс предпринять попытку траверса Лхоцзе – Эверест. Любопытный момент описал Моро в своей книге «Комета над Аннапурной». Он приехал

в Америку и несколько дней провел с Толей в доме его американской подруги Линды Уайли. Он как-то проснулся от стука топора и увидел за окном босого Анатолия. Тот колол дрова, а потом опрокинул на себя емкость с ледяной водой и растерся снегом. Европейцу этих русских заморочек было не понять. А весной 1997 года Симоне и Анатолий встретились в Намче-Базаре – этой каменной шерпской столице, что раскинулась на тропе, ведущей под высочайшую вершину мира. Симоне шел вверх, Анатолий – вниз. Он сообщил, что после работы на Эвересте с индонезийцами тренеры-консультанты отправляются в Катманду на встречу с их лидерами. А через несколько дней Букреев вернулся в Гималаи, и альпинисты достигли вершины Лхоцзе по классике с Южного седла. От траверса Лхоцзе – Эверест пришлось отказаться из-за непогоды. На Лхоцзе работала российская команда под руководством Владимира Башкирова, чье сердце перестало биться на высоте 8100.

В 1991 году, во время казахстанской гималайской экспедиции на Дхаулагири, Анатолий подобрал в Гималаях камень-бочонок. По-нашему такой окатыш называется «куриный бог». Подняв с земли камушек, Толя наделил его функцией амулета. Непальцы верят, что эти камни-бомбочки защищают от стихии в гималайских снегах, укрывают от камнепадов, спасают от козней злых духов и приносят удачу. Удача какое-то время была с Букреевым. То ли камень по-

мог, то ли шел своей дорогой, слушая сердце, а на этом пути помогают высшие силы и в спину дуют попутные ветры. Он многого достиг в альпинизме, став профессионалом высокого класса.

Незадолго до трагедии на Аннапурне продюсер и альпинист Александр Севернюк, работавший в студии M art Production, вместе с известным режиссером-документалистом Владимиром Тюлькиным задумали снять о Букрееве фильм. В экспедицию попросился художник Андрей Старков, и Анатолий дал свое согласие. Спустя четверть века Андрей показал мне свой дневник, который вел в Гималаях. Он писал: «Дмитрий Соболев летит в эту экспедицию как кинооператор, будет снимать фильм о Букрееве. Ну а я – за гималайскими пейзажами. Букрееву понравилась идея включить в состав экспедиции художника».

Дневник художника

«26. XI.97, среда

Вечером вылетали из Алма-Аты в Карачи. При прохождении пограничного контроля в аэропорту возникла проблема. Пограничник говорит:

– Не пропущу, у вас нет транзитной пакистанской визы.

Дмитрий начинает объяснять ему, что она не нужна, мол, мы всегда так летаем. Тот – ни в какую. И что, возвращаемся? Нет, говорит Дима, сейчас разберемся. Предлагает звонить куда-то, но служивый стоит на своем. На шум вышел капитан, повертел наши паспорта и билеты. Дима ему – мол, мы в Непал, экспедиция, альпинизм, какие-то фотографии стал показывать.

– А, – говорит капитан, – альпинисты, знаю. Вашу команду тут с оркестром недавно встречали.

И говорит солдатику:

– Этих можно, пропускай!

Вышли в зал ожидания, Дима вздохнул и сказал:

– Ну вот, капитан нашу судьбу и решил.

(Дима всегда был фаталистом, и Андрей мог предположить, что его приятеля терзают дурные предчувствия. – *Прим. авт.*)

27. XI.97, четверг

Как обещал Дима, никто никаких транзитных виз не спрашивал. Настроение приподнятое, в окно самолета наблюдаю огромные равнины с реками и полями. Дмитрий с камерой тоже прилип к окошку – показались снежные горы. Я делаю несколько снимков и первый раз в жизни смотрю на Гималаи. Выходим из самолета – яркое солнце, теплый воздух, предвкушение незабываемых впечатлений. В галерее, ведущей к зданию аэропорта, Дмитрий, показывая на мраморные плиты пола, говорит:

– Ты смотри, где ты идешь! По этим плитам шагал Месснер с братом Гюнтером и Быком! Представь себе, шаги скольких великих альпинистов они помнят!

Прозвище Бык мне знакомо по книжке Месснера «Хрустальный горизонт». Дима называет еще несколько имен, и я действительно переживаю торжественность момента. Дима бывал здесь и все уже знает: как и что, куда ехать, сколько платить. Наша задача – остановиться в гостинице и разыскать Букреева, он уже несколько дней в Катманду и ждет нас. Садимся в такси, едем в Тамил – это туристский район в Катманду с лавками, ресторанчиками и гостиницами. За окном мелькают сначала какие-то поля, заборы, лавки, разваливающиеся ступы с деревьями, выросшими прямо на их куполах. В городе, на узких улочках, безумное столпотворение разношерстного народа, в глазах рябит от бесконечных лавок с невообразимым набором экзотических товаров: бусы, миски, маски, цветные тряпки, груды фруктов. Ощущение

непрерывного праздника.

Въезжаем во двор отеля Star, Дима останавливался здесь раньше. У нашей развалюхи-авто не открывается багажник, не можем достать свои рюкзаки и баулы. Водитель говорит, что здесь никак не открыть, придется ехать в мастерскую. Мы с Димой переглядываемся, что это – развод или подстава? Дима говорит:

– Поезжай с ним, а я тут пока оформляться буду!

Ни фига себе! Я по-английски – ни бум-бум, ничего здесь не знаю, ни входов, ни выходов. Но еду с водителем. Машина у него еще та. Раздолбанная, ржавая, помятая, на скрутках проволочных еле держится. И вот везет он меня по безумному лабиринту улочек черт знает куда, приехали в какой-то двор на окраине города. Встречают человек пять, давай меня по плечу хлопать, говорят что-то, улыбаются. Повозились, машину вскрыли, поехали назад. Вернулись, и я Диме говорю:

– Как ты мог меня одного, в незнакомом городе, без знания языка, отправить куда-то? Я уже подумал, что грохнут или ограбят!

Он смеется:

– А я специально, чтобы ты быстрее адаптировался. Знаешь, как плавать учат: или выплывет, или утонет. Возвращаться тебе в одиночку придется. И не волнуйся, здесь преступность нулевая – они же все буддисты.

Ну, спасибо за урок. Отправились искать Букреева. Он

еще в Алма-Ате сообщил Дмитрию по телефону, что остановился в гостинице «Skala». Довольно быстро нашли отель, заходим во внутренний дворик и сразу видим Анатолия на балконе второго этажа, с ботинком в руке.

– Прибыли? – и он машет ботинком. – Поднимайтесь сюда!

Букреев стоит в одних трусах возле входа в номер и чем-то мажет ботинок. В дверной проем видны две синие экспедиционные бочки и пол, заваленный вещами: веревки, куртки, штаны, железо и прочий альпинистский инвентарь. Обмениваемся приветствиями. Руки его заняты – на левой ботинок, а указательным пальцем правой он продолжает втирать в швы ботинка пропитку. Поболтали, обсудили план действий, договорились вечером встретиться.

Отправились с Дмитрием гулять по Тамилу. Зашли в какую-то контору, оплатили пермит на вход в национальный парк «Аннапурна». Ходили по бесчисленным лавочкам, подобрали мне ботинки пластиковые, палки трекинговые, еще что-то…

Вечером, как договаривались, идем в гостиницу «Skala» за Анатолием, чтобы вместе поужинать. Он знакомит нас с Симоне Моро, его итальянским партнером в экспедиции на Аннапурну. В компании с ними еще один знакомый Букреева, американский альпинист – в сланцах, ступни ног забинтованы, он недавно прибыл откуда-то сверху, и у него обморожения. Впятером направляемся в какой-то ресторанчик

неподалеку. Букреев, видимо, часто здесь бывает, и персонал его знает. Нас встречают улыбками, размещают.

Садимся, я выкатываю припасенную на этот случай бутылку. Ужинаем, разговариваем, в какой-то момент я пытаюсь произнести тост, как я рад оказаться в Непале, да еще в компании таких знаменитых альпинистов, но Анатолий прерывает меня:

– Кончай про каких-то знаменитых, давайте просто за встречу, и чтобы хорошо закончилось то, что хорошо начинается.

28. XI.97, пятница

Утро. Дима что-то записывает в блокнот, – где, что и сколько стоит. У него есть планы возить в Непал из Алма-Аты тургруппы, поэтому он фиксирует все детали. Он еще в Алма-Ате предупредил меня, чтобы я взял блокнот, и я тоже веду дневник. В обед встретились с Анатолием и Симоне. Толя предложил поехать в ресторан, который отличается от тех, что в Тамиле. Сад, столики меж деревьев, водоем и павлины. Сидим, обедаем, беседуем, никуда не торопимся. Букреев интересуется у Соболева, как у него с акклиматизацией и как он готовился. Дима что-то отвечает.

– А я по утрам здесь кроссы бегаю, – говорит Толик, – в шесть встаю и на Сваямбунатх бегом.

Сваямбунатх – это гора с обезьянами и большой ступой. Букреев рассказал, что как-то в Катманду концерт БГ посе-

тил. Скептически достаточно отозвался:

– Кому-то, наверное, нравится, но мне очень глубоким не показалось.

Вдруг выясняется, что надо срочно оформить какую-то бумагу, что-то связанное с разрешением на восхождение. Вскакиваем, ловим такси. Букреев говорит водителю, что надо ехать в Министерство туризма. Тот – да, знаю, садитесь! Колесили-колесили по городу, даже я уже вижу, что по третьему разу проезжаем мимо одних и тех же зданий. Букреев ругает таксиста, а Симоне кричит, что видит знакомые крыши! Выскочили из машины у какого-то пустыря – и бегом. До закрытия министерства остается полчаса, а завтра выходной. Перелезая через заборы и канавы, мимо коров и помоек, мы добрались наконец до следующего забора, перелезли, и за ним оказалось нужное учреждение – скромное небольшое здание. Толик и Симоне вошли внутрь, мы с Дмитрием ждем снаружи. Выходят. Успели оформить за пять минут до закрытия конторы. Букреев говорит Соболеву:

– Тебя в пермите нет, но ты неофициально идешь куда сможешь.

Дмитрий поясняет мне, что речь идет уже непосредственно о восхождении на Аннапурну. По плану на завтра намечен выезд в город Покхара. Не спеша прогуливаемся, но вдруг выясняется, что опять надо бежать, на этот раз – звонить. Ну, бежать-то приходится нам, Букреев просто стремительно шагает на своих ходулях, умудряясь двигаться в толпе, ни-

кого не задевая и не толкая. Оказывается, звонить из гостиницы дорого, а Букреев знает какой-то переговорный пункт, где дешевле. Как говорится, бешеной собаке сто верст не крюк, и мы, чуть ли уже не час, прем в дальний конец города, потому что первая точка оказалась закрытой, а он знает еще одну.

Вернулись в свою гостиницу. Перед сном болтаем. Дмитрий не просто очень уважительно отзывается о Букрееве, а восхищается им. Я отмечаю, что у Букреева специфические пропорции фигуры, руки длинные, почти до колен. В научных книжках пишут, что это признак маниакальных наклонностей. На это Соболев резонно заявляет, что в горы только маньяки и ходят. Потом посмотрел на свои руки и спрашивает меня:

– А ты откуда знаешь, что его в команде Белым гиббоном зовут?

Ржем.

29. XI.97, суббота

Сегодня выезжаем в Покхару. Неожиданно заходит Букреев. Они с Симоне договорились сделать вертолетом заброску в базовый лагерь:

– Вам все равно портерам пришлось бы платить, так что с вас – по пятьдесят долларов.

Ушел. Дмитрий его опять гиббоном обозвал.

После обеда собираемся с рюкзаками и баулами во дворе

гостиницы, где живет Симоне. Уже три часа ждем автобус, на котором поедем в Покхару. Тут прибегает Симоне и говорит, что автобус ждет нас в трех кварталах отсюда. Бегом! Заметались по прилегающей улочке в поисках велорикш, наняли несколько экипажей, погрузили на них бочки, тюки, баулы, коробки, тазики и рюкзаки, со свистом, улюлюканьем и криками несемся куда-то под уклон, подбирая падающие коробки. Как будто на тачанках в атаку кинулись или цыганский табор гуляет. Нашли автобус, часть грузов на крышу привязали, часть в салон погрузили. Тронулись. Водитель, с ним еще один сопровождающий и нас четверо. Сопровождающий выдал путевой лист, записались в него все по очереди: фамилия, имя, отчество, дата рождения, гражданство.

– Смотри, как серьезно, прямо как полетный лист в вертолете, – отмечает Букреев.

Где-то на трассе остановились у придорожной харчевни. Водители поужинали, мы выпили чаю. Дмитрий толкает меня в бок:

– Смотри!

Водитель и сопровождающий щедро добавляют в свой чай местный сорокаградусный напиток, кажется, «Челленджер» называется. Букреев тоже головой качает:

– Да, с такими доехать бы без приключений.

Под утро, часа в четыре, прибыли в Покхару.

30. XI.97, воскресенье

Утром выглядываю из номера и вижу наши экспедиционные грузы. Как их ночью посреди внутреннего гостиничного дворика побросали, так они и лежат. Вышли погулять, к нам присоединился Симоне. Сфотографировал их с Дмитрием на фоне горной панорамы, в центре которой виден пик грандиозный. Симоне говорит:

– Это Мачапучаре[3].

Дмитрий уточняет:

– Дом Будды. Непальцы верят, что там материализуется Будда. Гора священная, и экспедиции на нее запрещены.

Дождались Букреева, он с утра уже куда-то бегал. Говорит, что нашел место, где можно нарубить бамбуковых вешек, чтобы ими маркировать тропу. Пошли всей командой завтракать. Мы с Дмитрием заказываем по бутылке «Туборга», как и в предыдущий раз, а Толян неодобрительно замечает:

– Что-то вы пива много пьете.

Сам он, кстати, даже в первую встречу в ресторане лишь пригубил алкоголь. Букреев и Симоне пошли решать вопросы с вертолетом (стало известно, что тропа под Аннапурну на метр завалена снегом, шерпам с грузами не пройти, и Букреев взял на себя переговоры с русским летчиком, который работал в непальских авиалиниях. Они были знакомы ранее. –

---

[3] Мачапучаре – гора высотой 6998 м, считается в Непале священной горой и закрыта для альпинизма. Единственное незавершенное восхождение на гору было предпринято британской командой под руководством Джимми Робертса в 1957 году.

Прим. авт.). Мы с Димой вышли то ли к реке, то ли к вытянутому озеру. Двинулись дальше к какому-то мосту. Пока разглядывали дамбу, подошли две дамы в цветных одеяниях, с мешками за спиной. Дима сразу определил:

– Это торговки из Тибета, у них сувениры бывают очень интересные, посмотри обязательно!

Они выкладывают из мешков на землю всякую всячину: бусы, амулеты, фигурки будд, бодхисатв, животных из кости и металла. Все очень интересно, но, помня совет Дмитрия, я намерен купить сувениры на обратном пути и ничего не беру. Обе в крик – мол, смотрел-смотрел и ничего не купил, да так агрессивно! Я ухожу, а они вслед продолжают махать руками и кричать. Дмитрий обреченно так заметил, что одна ругается и обещает, что удачи нам на горе не будет. Я разворачиваюсь, подхожу к ведьмам, и, не торгуясь, покупаю фигурку слона.

Вечером был потрясающий закат, и мы снова пошли к дамбе. В воде отражаются горы – массив Аннапурны, а прямо по центру – вершина Мачапучаре, острый, устремленный в небо пик, одновременно похожий на Маттерхорн и Хан-Тенгри. Небо серое, краски приглушенные, но справа проглядывает теплая полоска солнца. Мы пофотографировали. Я уговорил Дмитрия перебраться по мосту на другую сторону и подняться на холм. Дима утверждает, что он буддист, а я сказал, что если мы поднимемся на холм, Будда подарит нам луч солнца. Действительно, как только мы стали прибли-

жаться к вершине холма, горы ярко осветились оранжево-золотым светом. Распугивая обезьян, мы заметались в поисках открытой площадки, чтобы увидеть всю панораму. Я успел сделать несколько снимков, а Дима, устанавливая на штатив видеокамеру, потерял время. Солнце садилось, краски гасли, и он обвинил не судьбу, а меня, что не остался у озера, откуда мог увидеть больше. А еще буддист…

01. XII.97, понедельник

Мы с Димой сидим в аэропорту Покхары. Анатолий и Симона, как произносит имя итальянца Дмитрий, ушли оформлять разрешение на въезд в национальный парк. У нас такие уже есть, нам их выдали в Катманду вместе с пермитом (это разрешение на трекинг). Идет дождь, и полет откладывается. Пилот – русский летчик Данилов, – рассказал про местный авиационный бизнес. Толя и Симоне вернулись. Явился наш повар – шерпа Пурба. За то время, пока сидели в аэропорту, он куда-то сбегал и принес в пакете здоровенный кусок мяса. Кок проявил инициативу и тут же получил от Букреева нагоняй – ты чем думал, холодильника нет, если не будет полетов еще несколько дней, мясо пропадет. Лицо у шерпы виноватое, но счет за мясо существует, и Букреев говорит, что Пурба, видимо, решил помочь кому-то из своих.

В 11.00 поехали из аэропорта в отель «Hungry eye», где живут русские летчики. Обедаем. Вдруг Дмитрий хватает свою камеру и бежит на улицу со словами:

– Вон идут заклинатели змей! Отличные кадры можно сделать!

Я иду с ним. Дмитрий оплачивает им выступление, устанавливает штатив и снимает на камеру все шоу. Двое индусов – старый и молодой – вывалили из мешка кучу кобр, те стали расползаться в разные стороны, а заклинатели их подтягивали к себе за хвосты и при этом исполняли безумную музыку на дудках из сушеных тыкв. Старший заклинатель дразнит змей рукой, но те едва реагируют. Собралась толпа зрителей. Старший всех кобр под корзинки попрятал и достал из мешка двухметрового удава. Подходит ко мне и змею мне на шею навьючивает. Типа «кульминация выступления». Анатолий и Симоне наблюдали с террасы. Возвращаемся, а Толян балдеет:

– Видели, как ты вырывался!

16.00. Теперь уже ясно, что полет сегодня не состоится. Решили переехать из своей гостиницы в отель «Hungry eye», поближе к летчикам. К вечеру посветлело, показался розовый свет, и мы рванули фотографировать закат. Потом стояли возле гостиницы, подошел Анатолий и сказал:

– А я в парикмахерской был, решил постричься покороче. На завтра прогноз хороший, пораньше встать надо. Спать пойду.

Вечером, в темноте, еще погуляли с Дмитрием по Покхаре. Прошли мимо парочки – он на мотоцикле, она – маленькая и в огромной куртке, обнимаются. Совсем как «в

нашей деревне после танцев в клубе». Парень на чистом русском языке обращается к нам, мол, привет, землячки! Он летчик. То ли жалуясь, то ли нет, рассказывает, что нет отбоя от местных барышень.

02. XII.97, вторник

Погода отличная. Пока туда-сюда, сел туман, и вылет отложили. Послонялись вокруг вертолета, Дмитрий со штатива снимает разговор Букреева с Даниловым и на меня шикает:

– Не мешай! Мне Толяна снимать надо, а он в кадр никак вставать не хочет.

Данилов рассказывает какие-то истории. Обращает внимание на шапку на голове у Букреева, мол, дизайн специфический (Симоне написал в своей книге, что Толя ходил по лагерю в меховой шапке с символикой клуба армии и часто говорил о победах своих одноклубников. А у них самих не было ни спонсоров, ни радио, ни спутниковой связи. Букреев в тот год потратил собственные средства для организации восхождений на Лхоцзе, Броуд-пик и Гашербрум II, а в средствах он был ограничен. – *Прим. авт.*).

– Модель «Амнистия», мне в «БАСКе» подарили, – отвечает Анатолий.

Потом просит Данилова при оказии забросить в базовый лагерь под Аннапурной ящик мандаринов, на что тот шутит, что керосин нынче дорог. Толик в ответ говорит:

– Если живыми вернемся, за все рассчитаемся.

В 9:00 вылетели в район Аннапурны. Сели на площадку возле последней лоджии, как здесь называют что-то вроде приютов. Покидали грузы, вертолет улетел, и наступила тишина. Горы вокруг описать невозможно – просто восторг! Спрашиваю у Анатолия:

– Ну и которая ваша?

– Да вот же она, – показывает он с недоумением, мол, как можно не знать такие вещи.

– А мне вон та больше нравится, – показываю на отдельно стоящую вершинку, похожую формой на мороженое в стаканчике.

– Это Гандархба Чули, в ней всего-то 6800, – был его ответ.

Весь день занимались установкой лагеря. Метрах в семидесяти от лоджии, где полно шерпов и туристов, и в двадцати метрах от основной тропы вырыли в снегу огромную яму и установили в ней палатки. Букреев – свою, Симоне – свою, мы с Димкой – одну на двоих. Неподалеку, возле большого камня, Пурба готовит место под кухню-столовую. Помогли ему закончить, натянули синий тент. Устали. У меня – горняшка. Я смотрю на Анатолия и отмечаю, что у него иное выражение лица, чем было там, внизу, на равнине. Исчезли жесткость, взгляд и интонации голоса стали мягче.

03. XII.97, среда

К обеду стало получше, опять немного покопал снег. После обеда Букреев с Соболевым пошли на разведку вверх по леднику. Я погулял немного вокруг, сделал площадку для генератора. Мы с Симоне протянули провод в нашу столовую, повесили лампочку. Опять был безумный закат, и я все отснял на пленку. Дома открашу в масле, а пока ставлю палатку под студию. Сделал два карандашных наброска. Днем работать невозможно – больно глазам, и только после 14:00 солнце уходит за Хьюн Чули.

Около девяти вечера, уже в полной темноте, вернулись Букреев и Соболев. Перед этим мы с Симоне зажгли для ориентира фонарь на гребне морены. Видели их фонарики далеко внизу на леднике. Слушаю, как они обсуждают свои планы по восхождению. Букреев говорит, что на южную стену Аннапурны в разное время было организовано около двадцати экспедиций, но только две были успешными. Перепад высоты у этой стены – четыре километра по вертикали.

– Веревок-то у нас хватит, – отвечает он на мой вопрос, – но объем работы для двоих слишком большой. Мы пойдем другим путем.

На этих веревках мы, кстати, и сидим во время ужина, несколько бухт служат нам мебелью. Букреев сказал, что приглашал в эту экспедицию еще кого-то, но желающих не нашлось, «авантюра», – отвечали. (Симоне пишет, что трещины по всей стене были забиты снегом. Они стали рассматривать склон левее маршрута Бонингтона, где предполагали

проложить нитку собственного маршрута. Убедившись, что с юга гора абсолютно неприступна, обратили взоры на соседний семитысячник Фанг и решили предпринять подъем с востока, где ветер сдувал снег. На гребне просматривались скальные участки, маршрут казался более сложным, но менее опасным, потому что лавины активно пробивали именно южную стену Аннапурны. – *Прим. авт.*)

04. XII.97, четверг

Пошли с Дмитрием в лоджию познакомиться с ее обитателями. Симоне уже со всеми перезнакомился. Походили вокруг построек, поболтали с трекингерами. Сели за столик на обзорной площадке перед лоджией и затеяли старый наш разговор о субъективности восприятия реальности. Дима привез с собой в экспедицию тринадцать томов какой-то трансцендентальной литературы, и я, время от времени и не всегда деликатно, шучу на эту тему. Вот и сейчас брякнул что-то не то. Стали спорить: буддизм, иллюзия, существует ли для нас то, что мы не в состоянии осознать. Ну, в общем, нормальный такой разговор. Подошел Букреев:

– Мужики, вы успокойтесь, пожалуйста. Смотрите, буржуев совсем зашугали, они думают, что вы сейчас драться будете.

И точно, трекингеры вокруг притихли, отодвинулись от нас и настороженно переглядываются. Мы голоса понизили, и тут Дмитрий спрашивает:

– А знаешь ли ты, что существует «планета белок»?

Я испытываю то, что называется «иллюминэйшн», и отвечаю тихим голосом:

– Да, верую.

Сменили тему, стали обсуждать экипировку и инвентарь. Симоне достал какой-то пакетик, размял его в руках, внутри началась химическая реакция с выделением тепла. Можно носить такие пакетики в перчатках, чтобы руки не мерзли. Букреев с сомнением покрутил в руках этот пакетик и скептически произнес:

– Не… если своя кровь не греет, не поможет.

После обеда Букреев и Соболев опять собираются наверх. Толя обращается почему-то к Диме, а не ко мне:

– Как думаешь, если попросить Андрея помочь нам поднять завтра кое-какой груз?

– Да, думаю, можно. Тропа там легкая, ничего опасного нет, – отвечает Дмитрий.

– Прогуляюсь с удовольствием, – говорю я, польщенный доверием, – мне же интересно!

Симоне ушел с ними, но уже с целью там заночевать. Я послонялся по окрестностям, поставил свою палаточку под студию прямо на снег, разложил краски, холсты, картоны и настряпал пару этюдов. Ужас. Работать можно только в черных очках. Соответственно живопись черно-белая, без нюансов. Ночевал в нашей яме один. Мерещились шаги за стенкой палатки, пришлось даже выглянуть, а утром вокруг па-

латок увидел следы какого-то мелкого зверька.

05. XII.97, пятница

В 9:30 пошел наверх. В рюкзак положил две палатки, веревку, привязал еще вязанку бамбуковых палок для маркировки тропы. До палатки альпинистов шел два часа. Дорога несложная, петляет по леднику то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Наконец наметился выход на боковую морену и небольшой подъем на седловинку. Они называют это место Корейским лагерем, якобы здесь до нас стояла корейская экспедиция. Солнце страшное, лицо у меня сгорело. Посидел полчаса у палатки, видел три фигурки далеко впереди на склоне. Вечером вернулся Симоне. Жалуется на плохую акклиматизацию. А у меня ночью опять болит голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.